

А. Ю. Суслов

Казанский национальный исследовательский технологический университет (г. Казань, Россия)

ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА В ВОСПРИЯТИИ ЭСЕРОВСКОЙ ЭМИГРАЦИИ¹

Рассматриваются трактовки истории революции 1917 г., данные эсерами в заключительный, эмигрантский период их существования. Характеризуются особенности эсеровской эмиграции после октября 1917 г., ключевые моменты ее формирования и развития. Отмечается неоднократные попытки написания партийной истории, внимание к этому вопросу видных деятелей партии. Выделяется анализ проблем партийной истории во время полемики вокруг судебного процесса 1922 г. над лидерами ПСР, а также на конференции пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. Исследуются основные подходы эсеров-эмигрантов к деятельности партии в период революции и гражданской войны, выделяются причины неудач ПСР в политической борьбе. Подчеркивается влияние эсеровских оценок на последующее развитие зарубежной историографии.

Ключевые слова: партия социалистов-революционеров, эмиграция, революция, гражданская война, историография

С первой половины 1920-х гг. основная деятельность партии социалистов-революционеров протекала в эмиграции. В Советской России оставались разрозненные подпольные группы, подвергавшиеся постоянным преследованиям. Несмотря на то, что руководство ПСР крайне отрицательно относилось к наличию значительной эсеровской эмиграции, за границей после октября 1917 г. в конце концов оказалось довольно много видных деятелей ПСР, в том числе В. М. Чернов, Н. Д. Авксентьев, Е. К. Брешко-Брешковская, М. В. Вишняк, В. М. Зензинов, Е. Е. Лазарев, О. С. Минор и другие.

В то же время формирование эсеровской эмиграции после октября 1917 г. имело свои особенности [37]. В отношении членов ПСР (в отличие от социал-демократов меньшевиков), как правило, не практиковались высылки за границу. ЦК ПСР, избранный на последнем IV съезде партии, прошедшем в ноябре-декабре 1917 г., практически полностью был арестован и осужден на известном процессе 1922 г. [27] Из 20 членов ЦК только трое — В. М. Чернов, В. М. Зензинов и Н.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-01-00264а

С. Русанов сумели эмигрировать, из 5 кандидатов в члены ЦК — только один (В. В. Сухомлин). Таким образом, возможность легальной эмиграции с территории Советской России для эсеров практически отсутствовала. Преимущественно они покидали страну с территорий, контролируемых антибольшевистскими правительствами (В. М. Зензинов, Н. Д. Авксентьев, А. А. Аргунов, Е. Ф. Роговский и др.), часть уехала нелегально.

Эсеровская эмиграция оставила большое идеально-теоретическое наследие, в том числе мемуарные и исторические работы (многие из которых не опубликованы), непредвзятое изучение которых представляет немалый научный интерес. Это касается не только творчества В. М. Чернова, но и целого ряда других социалистов неонароднического толка. За более чем тридцать лет существования правоэсеровского зарубежья (до середины 1950-х гг.) на свет появилось великое множество изданий, составивших один из самых больших эмигрантских комплексов [5,12,13,28,30,34,38]. Нельзя сказать, что эта тема не привлекала внимания историков. Так или иначе, к эмигрантской литературе обращались, начиная с 1920-х годов как советские, так и зарубежные авторы. Отметим известного американского историка О. Рэдки, который в своем классическом двухтомнике об истории партии эсеров в 1917 г. и в первые месяцы Советской власти использовал как опубликованные работы эмигрантов-эсеров, так и личные интервью с В. М. Черновым, А. Ф. Керенским, В. М. Зензиновым, М. В. Вишняком, В. В. Рудневым и другими [6]. Из советских авторов необходимо сказать о К. В. Гусеве, В. В. Комине и особенно Г. Д. Алексеевой, посвятившей критике эсеровской концепции Октябрьской революции специальную монографию [10]. Однако лишь с 1990-х гг. освоение эмигрантского наследия российских политических партий, в том числе партии социалистов-революционеров, получило возможности полноценного научного развития.

Как отмечает В. Л. Кожевин, «для авторов, волею судеб эмигрировавших из России, безусловно важна была психологическая компенсация, возможность какой-либо предоставляемо обращение к пережитому» [23]. С другой стороны, работа над историей партии представлялась и как важный элемент объединения имеющихся партийных сил, сплочения эмиграции. Весьма характерно мнение по этому поводу эсеровского ветерана О. С. Минора, подробно высказанное в его переписке с другим известным деятелем ПСР — С. П. Постниковым. 7 января 1930 г. Минор пишет Постникову в Прагу: «На днях получил Ваше письмо о Вашем соглашении с Василием Васильевичем о подготовке истории п [артии] с [оциалистов] р [еволюционеров]. Что до меня, то

могу лишь приветствовать принятное вами решение. Необходимость такого труда вытекает, конечно, не только из того, что роль партии извращается историками, непосредственными участниками революции, которые всякий на свой салтык ее излагает, глядя на события только из своего угла, как это сделал Милюков, Мартов в своей истории Общественных движений, и даже Керенский, не говоря уже о Суханове, Теодоровиче и других, но и потому, что, будучи изложена партийными людьми, может быть удастся наметить и то, что надо будет делать в ближайшем будущем нашей партии, если жизнь нас вновь как-нибудь вытолкнет на арену истории. И вот это последнее мое соображение делает меня энтузиастом Вашего предприятия. Но есть и еще одно соображение: может быть создание истории нашей партии СОВМЕСТНЫМИ усилиями всех социалистов-революционеров создаст новую возможность более мирной и толковой между нами жизни и работы» [19]. Проект еще обсуждался некоторое время, но не был осуществлен, как и другие попытки написать историю партии.

Работы о революции и гражданской войне в подавляющем большинстве носили мемуарный характер. Собственно исторических исследований, вышедших из-под пера правых эсеров, практически не было. В тоже время этот вопрос обсуждался в партийной среде, и неоднократно. Мешало отсутствие средств — так, А. Р. Гоц писал В. М. Чернову 2 февраля 1922 г., что «когда сознаешь, что проживаешь последние гроши, невольно начнешь сугубо взнудзывать свои устремления. Такие вещи, как Вещичка об «Учр [едительном] соб [рания]» или «история п. с. — р.», сейчас нам не по карману» [2].

Вновь эта тема была поднята в 1925 г., когда Заграничная Делегация ПСР в письме Центральному бюро отмечало, что «здесь выходит много исторических [ой] литературы, касающейся только что прожитой нами эпохи. Единственно только мы ничего серьезного не делаем в этом отношении. Много ведь и б [ольшеви] ки выпускают в этой области. Для исправления этого пробела мы предполагаем выпускать «Историч [еский] сборн [ик]». Подготовляем № 1. Мы не можем выпускать здесь сборники, посвященные какой-либо эпохе, одному вопросу истории — с [оциалисты]-р [еволюционеры] и б [ольшеви] ки, сиб [ирская] эпопея и т [ак] д [алее]. Не достает многих участников каждого из периодов. Поэтому решили № 1 составить примерно так, чтобы каждый писал о том, что лучше знает: политика м [инистерст] ва земледелия в 1917 г.; подготовка и работа Учр [едительного] соб [рания]; Уфимское и Челяб [инское] совещания; наша политика на Дальнем Востоке; Закавказье в 1917 г.; Комуч; война и с [оциалисты]-р [еволюционеры]; предфевральские дни; большев [ики] в Финляндии; гор-

[одская] Петр [оградская] дума и Корнилов. Во всех этих статьях должна указываться наша политика, наша позиция. Примите и вы участие» [3]. Предполагались и исследовательские статьи. В данном случае средства у заграничных эсеров имелись, но помешали, очевидно, иные обстоятельства. В 1928 г. в Париже на заседании II съезда Заграничных организаций ПСР С. П. Постников в докладе о деятельности Заграничной Делегации партии с горечью отмечал: «Партийный архив находится в полной сохранности в надежном месте, под замком. Богатейший архив, который, к сожалению, никем не разрабатывается» [18].

Свою концепцию истории партии эсеров после Октябрьской революции представила в 1922 г. Заграничная Делегация ПСР. Причиной этому послужила широкая антиэсеровская кампания, развернутая в Советской России весной и летом 1922 г. вокруг судебного процесса над ЦК ПСР и партийными активистами. Заграничные эсеры уже 7 марта 1922 г. создали в Берлине комиссию по ведению кампании в связи с процессом в Москве [33]. Среди многочисленной печатной продукции, изданной Заграничной Делегацией, выделяется сборник «Двенадцать смертников», в приложении к которому правые эсеры представили очерк истории ПСР после Октябрьской революции [20]. Он стал своеобразным ответом на обвинения в адрес социалистов-революционеров, прозвучавшие в Москве.

Эсеры предъявили большевикам контробвинения и категорически отрицали свою вину в инкриминируемых им преступлениях. Большевики обвинялись в вооруженном диктате и репрессиях по отношению к социалистам, арестах, закрытии эсеровских газет и типографий, роспуске антибольшевистских Советов. Свое поражение в гражданской войне эсеры объясняли заговорами буржуазно-монархических групп, синхронно с большевиками напавших на демократические силы в Поволжье и Сибири. Цитируя решения IX Совета, Заграничная Делегация доказывала, что ПСР прекратила вооруженную борьбу с большевиками и сосредоточила все свои силы на борьбе с реакцией [20]. Приведенные факты, указывалось в заключении, вполне достаточны для опровержения «клеветнических измышлений» большевиков.

С оценками Заграничной Делегации ПСР были солидарны известный немецкий социал-демократ К. Каутский и русский меньшевик В. С. Войтинский, представившие свои статьи в сборнике «Двенадцать смертников». По мнению К. Каутского, большевики первыми применили насилие по отношению к другим социалистам и разогнали Учредительное собрание потому, что признали свое бессилие в попытках привлечь на свою сторону большинство пролетариата и крестьянства методами пропаганды. В таких условиях оппозиции оставалась только

одна форма открытого политического выступления — гражданская война [22]. В. С. Войтинский указывал, что суд над эсерами в Москве — последнее звено в длинной цепи преследований социалистов в Советской России, которые начались сразу же после захвата власти большевиками [17].

Концепция истории ПСР, представленная Заграничной Делегацией, носила преимущественно рекламный характер и умалчивала о некоторых существенных сторонах партийной жизни. Не упоминалось о репрессиях, к которым прибегали сами правые эсеры в эпоху Комуча, оставался в тени вопрос о партийных расколах, тактических ошибках партии, имевших серьезные последствия. В своем кругу, как отмечалось выше, эсеры высказывались гораздо откровеннее. Издания же, ориентированные на широкие круги западного общества (сборник «Двенадцать смертников» был переведен на немецкий, английский, французский и чешский языки) создавали впечатление, что в плачевном положении ПСР в Советской России повинны исключительно большевистские репрессии. Столь же рекламный характер носил очерк В. М. Чернова об истории ПСР, подготовленный для несостоявшегося издания Ф. Адлера «Handbuch des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Впрочем, В. М. Чернов в 1920-30-е гг. многократно обращался к истории ПСР, но ни одна из этих попыток не была доведена до логического конца.

Впрочем, В. М. Чернов активно выступал по вопросам истории 1917 г. на страницах партийной печати, особенно в журнале «Революционная Россия». Так, полемизируя с М. В. Вишняком о причинах неудачи ПСР в 1917 г., он писал в 1923 г.: «Не в том, стало быть, дело, что партия С.-Р. имела более чем одного лидера. От этой «многоголовости» она еще не могла стать «безголовой» или партией «без царя в голове», каковой она представляется в изложении тов. Вишняка. И не этим она была слабее партии меньшевицкой, в которой ведь тоже было не менее трех лидеров: Церетели, Дан, Мартов. В чем же дело? Почему при координации действий, при установлении общей союзной тактики меньшевиков и эсеров «равнодействующая» оказалась до такой степени совпадающей с меньшевицкой линией поведения, тогда как тактика эсеров «очень редко была эсеровской тактикой»?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо взглянуться в дело поглубже, и прежде всего понять: в чем же именно тактическая равнодействующая «революционной трудовой демократии» 1917 г. была духовно родственнее меньшевизму, чем эсерству?» И далее Чернов подчеркивал, что партия эсеров будущую революцию «не считала ни классически-буржуазной, ни чисто-социалистической. Она приписывала ей

переходный или смешанный характер — характер социально-трудовой революции». Соответственно этому характеру революции, полагал Чернов, и была тактика партии: «Концепции радикальной народно-трудовой или социально-трудовой революции «переходного типа» соответствовал взгляд на коалицию с несоциалистическими элементами, как на временный тактический прием в начале революции, когда преобладают негативные задачи разрушения остатков самодержавно-бюрократического строя и формально-демократические задачи создания городского и сельского самоуправления, утверждения личных и общественных свобод, выработки основ избирательной системы для центрального представительства — Учредительного Собрания. По мере созревания этих форм и необходимости вливать в них новое глубокое социальное содержание, центр тяжести в коалиционном правительстве с этой точки зрения должен был неизбежно переходить от типически буржуазных партий к трудовым и социалистическим, вплоть до полной элиминации буржуазных элементов, вплоть до образования относительно — однородного «правительства трудовой демократии». Однако партия эсеров, признает Чернов, эту тактическую линию выдержать не сумела.

Таким образом, заключает Чернов, эсеры вместе с меньшевиками «...вначале отдали вся власть буржуазным элементам. Или нет, в лице Керенского они как будто ввели некоторую поправку в это положение — одного «заложника демократии» во Временном Правительстве. Но это было чисто персональным актом и не могло заменить участия во власти через формального представителя партии. Это был плохой «эрзац» коалиции. Это была «коалиция без коалиции»: косвенная и скрыто-фактическая коалиция без формальной. Ее сменила другая противоположного характера «коалиция без коалиции»: коалиция формальная без коалиции реальной (ибо фактическое содержание коалиции было уже почти все исчерпано и предыдущей фазе). И, наконец, вместе с меньшевиками эсеры держались за «коалицию во что бы то ни стало» до самого конца, до тех пор, пока она не стала абсолютно пустопорожней, всем опротивевшей, и годной лишь для того, чтобы облегчить большевикам их сальто-мортале к немедленному социализму путем диктатуры. С точки зрения эсеровской концепции революции, эпоха разрушения самодержавного строя, установления свобод, выработка основ самоуправления и избирательной системы в Учредительное Собрание могла быть коалиционной эпохой; на самом деле большая часть этого периода прошла без коалиции в правительстве. Эпоха вливания в новые политические формы более глубокого и нового социального содержания, с точки зрения эсеровской концепции, должна

была явиться переходной эпохой от коалиционной власти к власти трудовой демократии: на деле, зацепившись за коалицию, эсеры застряли на отмели, и тем самым предоставили дело «вливания» в новые мехи и нового социального «вина» большевикам. В значительной степени похитив у эсеров их социальную программу, беспощадно ее изуродовав, в то же время силою ее популярности утвердившись у власти, большевики и принялись за это «вливание» такими лошадиными дозами, что чуть не уморили своего «пациента» — Россию. С точки зрения эсеровской концепции, мы дважды опоздали: один раз — с коалицией, другой раз — с ее ликвидацией».

Подводя итог, Чернов отмечал в качестве основных причин поражения ПСР то, что многие влиятельные работники, в том числе и кандидаты в лидеры партии, не прониклись настоящим образом всей эсеровской теоретической концепцией революции, а поэтому и не выводили свою тактику из нее; их тактика была чисто-конъюнктурной тактикой [43].

Размышления об историческом пути ПСР звучали на конференции пражской группы социалистов-революционеров 1931 г. Материалы этой конференции являются ценным источником для понимания эволюции программных установок партии социалистов-революционеров в эмиграции в 1920—30-е годы [26]. В ее работе принимали участие такие известные деятели партии как Е. Е. Лазарев, В. Г. Архангельский, С. П. Постников, И. А. Якушев и другие (Чернов, находившийся в то время также в Праге, не был приглашен на конференцию из-за конфликта различных частей Заграничной организации ПСР).

Вопросы истории партии не находились в повестке дня, однако так или иначе затрагивались докладчиками. Более того, отношение пражских эсеров (среди которых были представители разных партийных течений) к прошлому партии социалистов-революционеров, особенно событиям 1917 г., являлось довольно критическим. Это было заметно во время обсуждения вопроса о политическом строе России после большевизма (доклад С. Н. Николаева и Е. Е. Лазарева). Так, И. И. Калюжный, размышляя о причинах поражения ПСР, отметил ошибочность поддержки эсерами советов. По его мнению, «Временное правительство, государственная власть, ответственная за свои действия перед страной, оказалась фикцией, лишенной всякого значения и силы. Фактическая власть была у безответственной частной политической организации — у советов. И партия с. — р., находясь еще в зените своего значения и влияния, не только допустила такое развитие советов, но и способствовала ему». Вывод Калюжного вполне определен — «партия с. — р. оказалась негосударственной и несостоятель-

ной логически. Если она сознательно и способствовала всем своим поведением фактическому захвату власти советами, она должна была бы сделать соответствующие выводы — возложить на советы и ответственность, устраниТЬ временное правительство и установить единовластиЕ» [4]. Напротив, эсер Я. Г. Лозовой видел проблему партии именно в уходе в государственные дела: «Партия государство никогда не отрицало. Можно утверждать обратное: в 1917 г. партия слишком ушла в «государственность». Задачи общегосударственные, защита границ (оборончество) от внешнего врага, охрана правопорядка и права внутри страны и т. д. были в России во время революции задачами доминирующими, в ущерб политическим задачам партии как таковой» [4]. «Партия отстаивала государство как программный пункт, — подчеркивал Лозовой, — но, к сожалению, в партии не было решимости отстаивать свои задачи и цели, не было воли, а главное людей». Дискуссии такого шли в партии и в 1917 г., и в эмиграции; фактически они продолжаются и в современной исторической науке. Видимо, рациональные моменты и есть в той, и в другой позиции — с одной стороны, эсеры действительно превратились в 1917 г. из демократов в «государственников», однако эта эволюция была неполной и не затронула всю партию, с другой стороны, недооценка государственных институтов и переоценка массовых организаций (а XX в. трансформация общества проходит через государство) привела ПСР к кризису.

Наибольшее внимание причинам поражения ПСР уделил в своем докладе на пражской конференции С. П. Постников (1883 — 1965), опытный социалист-революционер, в 1917 г. депутат Учредительного собрания, гласный Петроградской думы и секретарь редакции главного партийного печатного органа — газеты «Дело народа». Постников вообще отличался вниманием к партийной истории. Тогда же, в статье 1931 г. он подвел некоторые неутешительные итоги изучения истории ПСР в послеоктябрьский период: «Наш центральный комитет последнего состава сознавал всю необходимость скорейшего составления истории партии. На одном из своих заседаний в 1919 г., когда еще большинство членов его, хотя и нелегально, но еще были на свободе, ЦК рассмотрел и утвердил программу, по которой должна быть составлена история партии. Были распределены и статьи между авторами. Но, к сожалению, большинство вскоре были арестованы и лишены возможности работать (...) В с-ровской эмиграции было несколько попыток издания исторических сборников. Но партийная неурядица каждый раз препятствовала осуществлению этого дела, казалось бы никакого отношения не имеющего к фракционным раздорам. За последние годы мною подготавливается материал для работы по состав-

лению истории партии. Но эта работа удовлетворительно, конечно, не может быть выполнена индивидуальными силами.

Зимой 1930 г. Минором, Сухомлиным и мною составлена примерная программа истории ПС-Р, причем предложено выпустить два тома, приблизительно по 20 листов каждый.

Первый том предполагается посвятить собственно истории партии и второй том ее миросозерцанию, теории и отдельным видам работы. Успех работы по составлению и изданию истории будет зависеть оттого насколько заграничные эсеры, вне зависимости от своих группировок сочтут ее своим общим делом» [39].

В выступлении на пражской конференции 1931 г. Постников обратил внимание на проблему соотношения программы и тактики партии в 1917 г., а также на состояние партийных кадров. Он отмечал: «итак, наша программа была хороша. Но почему же все-таки мы потерпели в революции разгром и поражение. По этому поводу следует вспомнить известную фразу Чернова, сказанную им еще в полемике с «искровцами»: «мы-то, может быть, и плохи, но программа наша хороша». Чернов, конечно, тогда и не подозревал, сколько правды окажется в обоих частях его фразы в эпоху революции 1917 г. За нашу программу голосовал чуть ли не весь народ, но мы не сумели использовать это и провести свою программу, оказавшись плохими политиками и тактиками» [4]. И далее Постников обобщил причины неудачи партии — «...преимущество большевиков было в том, что они имели почти гениального тактика и организатора в лице своего лидера Ленина, в то время как у нас, с одной стороны, был лидером только теоретик Чернов, а с другой стороны Керенский, главный герой февральской революции, хотя и политический тактик, но органически не связанный с партией и часто действовавший в порядке индивидуальном» [4]. Ярким примером стала позиция ПСР в эпоху Брестского мира, когда «...когда партия в угоду принципам совершенно не считалась с реальной действительностью. Если бы партия действительно хотела бы, чтобы Учредительное Собрание имело возможность работать по восстановлению страны и по проведению требований революционной демократии, то прежде всего надо было заключать какой-то «модус вивенди» с немцами...» [4]. Из этого опыта партия должна была вынести очень важный урок — учитывать фактическое соотношение сил при решении политических вопросов, особенно, как подчеркнул Постников, при решении национального вопроса, который, наряду с аграрным, являлся наиболее принципиальным в России.

Гораздо позднее эсер С. Н. Николаев (также участник пражской конференции 1931 г.) согласился с этим в своих воспоминаниях: «Бесполезно теперь искать причины политического поражения П. С. Р. Но

мне кажется, что вина за это лежит не только на самой партии, но в идеологии всей демократии» (...) «Болезни в самой партии, мне кажется, состояли в отсутствии признанного авторитетного вождя, лидера партии, уполномоченного и способного в нужную минуту властно и решительно вести партию, куда требовала часто меняющаяся установка, не боясь ответственности и не зная колебаний и страха. Партии не доставало воли к власти, подкрепленной соответствующей доктриной» [35].

Главное, что объединяло всю эсеровскую эмиграцию в оценке деятельности партии в годы гражданской войны — стремление представить борьбу ПСР как «третий путь», движение за настоящее народовластие, подлинную демократию и социализм. Бессспорно, социалистам-революционерам, как и всякой другой партии, было свойственно желание оправдать свои действия. Однако нет оснований обвинять их в заведомом искажении фактов. Более того, в отдельных работах эсеров встречается резкая критика деятельности ПСР в 1917 — 1918 гг., откровенно признаются крупные и «роковые» ошибки партии [41].

С 1930-х гг. эмигрантских исследований по истории ПСР стало гораздо меньше. Сказались многочисленные конфликты, сотрясавшие партию правых эсеров за границей, общее ухудшение положения выходцев из России в Европе. Парижский съезд (1928 г.) стал последним форумом в истории партии социалистов-революционеров, где были представлены, пусть и не в полном объеме, различные течения в партии социалистов-революционеров. Дальнейшие попытки собрать зарубежных эсеров и наладить общепартийную работу оказались безуспешны. На конференции пражской группы ПСР 1931 г. И. А. Якушев отмечал, что «...связь с Россией оборвалась, ЗД практически не существует, во всяком случае общепартийной работы не ведет, отсутствует и центральный орган». Угасает и издательская деятельность партии. Журнал «Революционная Россия» перестал выходить в 1931 г. (на № 77/78), «Воля России» и «Социалист-революционер» прекратили свое существование в 1932 г. Только в Париже в 1933 — 1936 гг. группе эсеров под редакцией В. В. Руднева удалось выпустить шесть номеров журнала «Свобода».

Как уже отмечалось, немалое внимание опыту российской революции 1917 г. уделял и В. М. Чернов (1873 — 1952), лидер социалистов-революционеров и министр Временного правительства. Обширное мемуарно-публицистическое наследие Чернова стало в последние годы предметом тщательного научного анализа в работах А. И. Авруса, А. П. Новикова, О. В. Коноваловой, Х. Иммонена, А. А. Голосеевой и других [8,9,21,24,25,43]. В рамках данной статьи обратим внимание лишь на итоговые общие оценки роли партии эсеров в 1917 г., данные

Черновым в его известной мемуарно-публицистической работе «The Great Russian Revolution», опубликованной в США в 1936 г. Они в известной мере корректируют его оценки 1920-х годов.

Размышляя о причинах поражения, В. М. Чернов писал о переполнении партии в марте 1917 г. волной «новобранцев», которых идеи социалистов-революционеров зачастую волновали лишь поверхностно; такое пополнение если не вызывало, то, по крайней мере, обострило кризис партийной организации; Чернов напомнил о расколе лагеря социалистов-революционеров из-за начала первой мировой войны, о доминировании правого крыла партии, а также слабости контактов верхушки партии с ее базисом. Чернов соглашался и с критикой в свой адрес, признавая, что он, «скорее теоретик, человек слова, литературы, письменного стола (...) чем профессиональный политик», не выдержал жесткости политической борьбы. По его словам, центр партии пал жертвой крайностей; судьба ПСР отражает судьбу революции в целом: триумф центробежных сил над центростремительными [1]. Нелицеприятная самокритика делает честь Чернову, он сумел дать достаточно емкий анализ причин поражения социалистов-революционеров.

Весьма примечательна и статья известного эсера-эмигранта, писателя и журналиста М. В. Вишняка (1883 — 1975), который попытался дать, по прошествии значительного времени — уже в послевоенный период, общую характеристику такому масштабному явлению российской истории как народничество [15]. Прежде всего, Вишняк отмечает плюралистичность народничества как идеиного течения, чуждого монизму и не подчиняющего, подобно марксизму, одной какой-либо стороне бытия или сознания все другие стороны и аспекты многосторонней жизни.

Вишняку хорошо известны распространенные в литературе истолкования, в соответствии с которыми все существо народничества якобы состоит в утверждении им особых путей России, которая-де позднее других стран выдвинулась на авансцену истории и поэтому сумеет быстрее и лучше, чем другие страны, сделать рывок в своей социально-экономической динамике, минуя западноевропейскую стадию буржуазно-капиталистического развития.

При этом сохранение в России крестьянской общины и артельных навыков, а также отсутствие промышленного пролетариата развитого капитализма квалифицируются обычно как факт «громадного положительного значения» [15]. Признавая, что подобное представление действительно присуще народничеству, и называя его «русским вариантом социально-политического мессианизма», в то же время Вишняк решительно не согласен с тем, будто оно, это представив, исчерпыва-

ет всю главную суть идеологии взятого под защиту движения. Из поля зрения критиков как-то выпали другие, еще более существенные признаки народничества.

Что же касается «мелкобуржуазного» характера народнической идеологии, отмечаемого всеми марксистами с нескрываемым обвинительным пафосом, — Вишняк не отрицает и этого признака, отсекая лишь указанный пафос. Ведь под «мелким буржуа» народничество имело в виду, прежде всего крестьян, которые преобладали в структуре населения России и которые никогда не наделялись народниками марксистскими характеристиками. Тезис же марксизма о том, что «пролетарий и мужичок — настоящие политические антиподы», народничество самым решительным образом отвергало, тем самым давая пищу для незатейливых обвинений в «мелкобуржуазности» своих политических симпатий и ориентации.

Характеризуя народническое мировоззрение, Вишняк с осуждением отметил и такой его признак, как известный аполитизм, недоверие не только к существующей власти, но и к государству вообще, и даже к представительным учреждениям, которые нужны будто бы только зажиточным классам. Отсюда надежды на лучшее будущее связывались многими ветвями народничества не с конституцией, а с социальной революцией, что, действительно, объективно могло сблизить их идеологию с известными тезисами о государстве и революции, сформулированными представителями революционного марксизма [15].

Главнейшим же признаком народничества является признание народа определяющим агентом русской истории, ее правообразующим фактором [15]. Кроме того, в поисках истины и справедливости, народничество в конце концов пришло к признанию необходимости и равнотенности всех видов эманципации: политической, экономической, национальной, духовной. Как высоко ни расценивало оно экономическую эманципацию, всё же видеть в ней ключ ко всему другому оно отказывалось. Именно поэтому народничество было озабочено не столько развитием «производительных сил», сколько судьбой самих производителей и характером распределения произведенных благ [15].

Народничество отрицало историческую неизбежность или «имманентность» исторических законов, их уподобление законам природы. И оно отвергало возможность непогрешимых исторических прогнозов. Свои домогательства оно строило не на оптимистической вере в разум истории, который знает что делает. С другой стороны, раз имманентных законов история не знает и прогресс социальный и иной никак заранее не предсказан, — возможно активное вмешательство в ход вещей: в частности, в закон спроса и предложения, в процесс концен-

трации и монополизации капитала, дифференциации классов, их поляризации на владеющих и командующих и на неимущих и подвластных и т. д. Тем более очевидна роль личности в политической области. Как бы по существу ни была гибельна роль Ленина и Сталина, Гитлера и Муссолини в судьбах России, Германии, Италии, влияние их на ход мировой истории не может быть оспорено [15].

И, наконец, Вишняк подчеркивает, что героем народничества не был какой-нибудь один класс, а триединство трудящихся: крестьяне, рабочие, интеллигенция. Никогда народничество не возводило ту или иную группу людей в ранг «гегемона». Таким образом, народническая концепция общественного развития представляет собой иной, немарксистский и небольшевистский вариант социализма. Однако этот вариант по ряду причин не обрел должной завершенности теоретических построений и не смог противостоять большевизму в практической политике [36]. Одной из таких причин Вишняк считает влияние марксизма. Он пишет о связи левых эсеров 1917—1918 гг., вошедших в правительство Ленина как раз тогда, когда оно сильнее всего нуждалось в демонстрации, что его власть не «рабочая» только, а и «крестьянская». «Среди этих диссидентов не только от партии с. р., но и от народничества вообще, были авантюристы и карьеристы, но были и по своему честные люди. В отходе этих последних от народничества можно видеть лишь подтверждение общего тезиса: идеология сама по себе ничего не предрешает, ни от чего не спасает, ничего и ни от чего не гарантирует» [16].

В целом эсеровские (как и меньшевистские) авторы, признавая свои политические ошибки в 1917 г., главной причиной поражения все же считали слабость тех общественных сил, на которые мог опереться в России демократический социализм. Социальной опорой демократии социалисты-революционеры считали «трудящийся класс» (рабочие, крестьяне, интеллигенция), а социал-демократы — пролетариат. Неудачный для социалистических партий исход российской революции был связан в первую очередь с тем, что эти общественные классы не успели в полной мере сформироваться и достигнуть необходимой степени зрелости. Их борьба против большевизма всегда имела существенные самоограничения и почти никогда не была последовательной.

Версии эмигрантской историографии и мемуаристики о причинах поражения эсеров оказали влияние на развитие зарубежной исторической науки. До сих пор эта тема не стала предметом специального исследования. Между тем утверждения социалистов-революционеров-эмигрантов о «подлинно крестьянском, народном» характере их партии активно использовались западной исторической наукой, особенно

в 1950-е гг. Зарубежная историография социалистических партий также прошла сложный путь, меняясь как под воздействием текущих событий (прежде всего, холодной войны), так и под влиянием метаморфоз внутри самой исторической науки. Важным корректирующим фактором было воздействие советской историографии, противостояние двух идеологически полярных мировоззрений, «стартовавшее» сразу после Октябрьской революции. Эмигрантская либеральная и социалистическая литература, педалируя идею «искусственности» прихода большевиков к власти, признавая права на подлинность лишь за революцией Февральской, серьезно воздействовала на послевоенную западную, прежде всего американскую, русистику 1950-х гг. В годы холодной войны именно этот образ — противопоставление двух революций — утвердился в академических кругах и общественном сознании Запада.

Список литературы:

1. Chernov V. M. *The Great Russian Revolution*. New Haven, 1936. P.397.
2. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 9. Folder 3.
3. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 9. Folder 6.
4. Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 28. Folder 11.
5. Nicolayewsky B. I. *Historique de la presse périodique de l'émigration socialiste russe 1917 — 1937 // Bulletin of the International Institute for Social History*. Vol.2 (1938). P. 5—17
6. Radkey O. H. *The Agrarian Foes of Bolshevism: Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries*, February to October 1917. New York, 1958; *Ibid. The Sickle under the Hammer: The Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule*. N. Y.; L., 1963.
7. White E. *The Socialist Alternative to Bolshevik Russia: The Socialist Revolutionary Party, 1921 — 1939*. Milton Park, Abingdon, Oxon; New York, 2010
8. Аврус А. И., Голосеева А. А., Новиков А. П. Виктор Чернов: судьба русского социалиста. М., 2015
9. Аврус А. И., Новиков А. П. От Хвалынска до Нью-Йорка: жизнь и общественно-политическая деятельность В. М. Чернова. Саратов, 2013; «Мы, русские, — другие, мы созданы для испытаний». Письма В. М. Чернова. 1920 — 1941 / публ., вступ. ст., подгот. текста и комм. Г. В. Лобачевой, А. П. Новикова [науч. ред. проф. И. Р. Плеве]. Саратов, 2014

10. Алексеева Г. Д. Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. М., 1989.
11. Антоненко Н. В. Организационная и идеологическая трансформация партии социалистов-революционеров в эмиграции // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 2008. Вып.11 (67). С. 562—568
12. Базанов П. Н. Издательская деятельность Заграничной делегации партии социалистов-революционеров: на материалах Бахметевского архива (США) и ГАРФ (Россия) // Политические партии России: прошлое и настоящее: мат. конф. СПб., 2005. С. 263—273
13. Библиография русской революции 1917 г. и гражданской войны (1917—1921) / сост. С. П. Постников; под ред. проф. Я. Славика. Прага, 1938
14. В. М. Чернов: человек и политик: Материалы к биографии. Саратов, 2004
15. Вишняк М. Оправдание народничества // Новый журнал. 1952. Кн.30. С. 225—242.
16. Вишняк М. Оправдание народничества. С. 237.
17. Войтинский Вл. Суд над социалистами-революционерами в Москве // Двенадцать смертников. С. 23.
18. ГА РФ. Ф. Р-6108. Оп.1. Д.24.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6065. Оп. 1. Д. 63. Л. 4.
20. Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин, 1922.
21. Иммонен Х. Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873 — 1952). СПб., 2015
22. Каутский К. Московский суд и большевизм // Двенадцать смертников. С.9.
23. Кожевин В. Л. Историк — очевидец событий: «ситуация по-границья» // Мир историка. XX век. М., 2002. С. 79.
24. Коновалова О. В. В. М. Чернов о путях развития России. М., 2009
25. Коновалова О. В., Фёдорова В. И. В. М. Чернов: от терроризма к пацифизму. Эволюция мировоззрения и реалии Советской России // Российская история. 2016. № 1. С. 116—130, и др.
26. Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. / Публикацию подготовили А. П. Новиков и А. Ю. Суслов // Вопросы истории. 2014. № 8. С. 3—26; № 9. С. 3—15; № 10. С. 3—14; № 11. С. 3—18; № 12. С. 3—19; 2015. № 1. С. 3—15.

27. Краткий отчет о работах Четвертого Съезда Партии социалистов-революционеров (26 ноября — 5 декабря 1917 года). Пг., 1918. С. 152.
28. Кудрявцев В. Б. Периодические и непериодические коллективные издания русского зарубежья: 1918—1941: Журналистика. Литература, искусство. Гуманитарные науки. Педагогика. Религия. Военная и казачья печать: Опыт расширенного справочника: в 2 ч. Ч. 1. М., 2011.
29. Кукушкина И. А. Путь социалистов-революционеров в эмиграцию (1918—1922) // Русский исход: сб. ст. СПб., 2004. С. 79—105.
30. Лисенкова Л. Н. Постников С. П. об издательской деятельности партии эсеров // Российская эмиграция в Чехословакии (1918—1945). СПб., 1996. С. 19—24
31. Малыхин К. Г. Русское зарубежье 20-30-х годов XX века: оценка большевистского реформирования России. Ростов н/Д, 2014; Судьбы демократического социализма в России: сб. мат. конф. М., 2014.
32. Местковский Д. А. Партия социалистов-революционеров в эмиграции в 1920-х годах. Пути возрождения организации: централизм или демократизм // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1 (21). С. 44—55
33. Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922—1926): этика и тактика противоборства. М., 2005. С. 245—257.
34. Народничество и народнические партии в истории России в XX в.: библиографический справочник / сост. М. И. Леонов, К. Н. Морозов, А. Ю. Суслов. М., 2016.
35. Николаев С. Воспоминания // Лик. 2007. № 1 (9). Январь — март. С. 122.
36. О. М. Вишняке см. подробнее: Корицкий Э. Б., А. М. Бегидов, В. Х. Шетов. Марк Вишняк. Нальчик, 1997.
37. Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: Документы из архива П. С.-Р. / собрал и снабдил примечаниями и очерком истории партии в переволюционный период Marc Jansen. Amsterdam, 1989.
38. Постников С. П. Библиография. Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции. 1923 — 1957. Прага, 1957.
39. Постников С. П. К истории Партии социалистов-революционеров // Социалист-революционер. Париж. 1931. № 3. Январь. С. 6—7.

40. Сафонов И. А. Социалисты-революционеры в эмиграции // Общественная мысль Русского зарубежья: Энциклопедия. М., 2009. С. 90—117.
41. Сухомлин В. В. Политические заметки // Воля России. Прага, 1928. № 10—11. С. 156—167.
42. Тикеев М. Д. Эсеровская эмиграция 20-30-х гг. XX в.: идеиные основы и общественно-политическая деятельность: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004
43. Чернов В. Отклики прессы // Революционная Россия. 1923. № 32. С. 17—22.
44. Чубыкин И. В. Российские социалисты-революционеры в эмиграции (1920-е годы): дис.... канд. ист. наук. М., 1996.